

УДК 811.161.1'373.611

**МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(на материале метаязыковой фантазии коммуникантов)***А. Г. Антипов***MORPHONOLOGICAL MODELS OF RUSSIAN WORD-BUILDING****(on the material of meta-language fantasy communicants)***A. G. Antipov*

В статье проводится исследование семантического функционирования единиц морфонологической структуры производного слова. На материале ассоциативных экспериментов доказывается роль морфонологических компонентов внутренней формы слова.

The article deals with semantic functioning of the units of a derived word morphonological structure. On the material of associative experiments is proved the role of morphonological components of the word internal form.

Ключевые слова: деривационная морфонология, метаязыковая функция, семантическое функционирование.

Key words: derivation morphonology, meta-language function, semantic functioning.

В настоящей статье на материале диалектной морфонологии развивается одна из традиций Томской диалектологической школы, обоснованная А. Н. Ростовской в работах по метаязыковой функции языка [Ростова, 2000 и др.].

О ментальных функциях морфонологии как «области существования явлений знакового, двустороннего характера» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 17] впервые довольно полно и определенно высказался И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем «Опыте теории фонетических альтернатив» [Бодуэн, 1963, с. 265 – 347]. В частности, обоснованные Бодуэном перспективы психолингвистического освещения морфонологии в аспекте морфолемных репрезентаций языковой рефлексии не могли, конечно, не предвосхитить рождение современных семиотически ориентированных концепций «теории означающего морфемы», как не могло не привести к этому и учение о внутренней форме слова А. А. Потемби.

В общем теоретическом смысле вопрос о функциях морфонологической структуры слова был поставлен И. А. Бодуэном де Куртенэ в широкий семиотический контекст изучения феноменов языкового сознания и речевого мышления. Именно признание особой ассоциативной («психической») реальности этого уровня языка, связанного с определенными «психическими различиями», «с представлениями определенных психических нюансов (оттенков)», с «психическим влиянием», «при котором с фонетическим различием бывает связано (ассоциируется) какое-нибудь психическое различие форм и слов, т. е. какое-нибудь морфологическое и семасиологическое различие» [Бодуэн, 1963, с. 281, 301], позволяет сегодня обосновывать на материале морфонологической динамики языкового знака погруженность иерархии ее основных единиц в пространство семиозиса. Так, установленные в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников тенденции овнешнения звуковых представлений – процессы морфологизации и семасиологизации – помогают понять, почему и зачем морфонология выполняет функции одной из знаковых моделей репрезентации ментальных феноменов.

По словам самого Бодуэна, «психические ассоциации», опирающиеся «на сохранение традиционных альтернатив», «находятся в непрерывной коллизии со стремлением к устранению фонетических различий, не оправданных ни индивидуальными антропофонетическими тенденциями, ни индивидуальными психическими потребностями» [Бодуэн, 1963, с. 313]. Поэтому, как отмечал Н. В. Крушевский, «...фонетические изменения дают толчок новому распределению звуков между морфологическими единицами слова, ...вызывают морфологический процесс...» или свидетельствуют о том, что «...каждое понятие и каждый оттенок понятия имеют свое внешнее выражение» [Крушевский, 1998, с. 166].

С данными принципами морфонологии И. А. Бодуэна де Куртенэ соотнесено и развиваемое нами понимание ментальных форм репрезентации морфонологической структуры синхронически мотивированных (производных) знаков, единицы строения которых используются носителями языка в актах номинативной деривации и речевого общения, что позволяет доказывать существование семиотической детерминанты функционирования морфонологических явлений через противоположение функции структурной и категориальной индексации [Laskowski, 1980] и выделение плана означаемого у морфонологических альтернатив [Панов, 1999, с. 39].

Как представляется, исследование психолингвистических аспектов феномена симметрии формы и содержания мотивированного знака позволяет уточнить функции основных уровней порождения производного слова, соотнести их в систему средств создания иконических образований особого типа (когнитивно-семиотический аспект), а также представить функциональное описание средств иконичности в коммуникативно-семиотическом аспекте действующих морфонологических правил языка определенной сферы речевого общения.

На материале диалектной морфонологии проблема иконичности производного слова разрабатывается нами именно в направлении описания мор-

фонологии как средства формирования системных деривационных отношений лексики [Антипов, 1997]. При этом основные уровни формальной структуры производного слова – морфонологический и деривационный – предстают как взаимосвязанные сферы языковой категоризации, поскольку в актах речевого мышления процессы моделирования языковых пространств коммуникации сопряжены с морфонологическими репрезентациями сознания (иконическими единицами памяти).

Такое направление изучения морфонологии мотивированных знаков связано и с обсуждением типологического статуса морфонологических единиц как явлений вариативности внутренней формы слова, усиливающих степень мотивированности производных лексем.

Мотивационная специфика морфонологии производного слова заключается, на наш взгляд, в том, что эта сфера динамики звуковой формы направлена на придание элементам поверхностной структуры знака особого функционального статуса – переходного к знаковым сущностям. Отсутствие собственных семантических планов у единиц морфонологической структуры восполняется развитием своего мотивационного содержания, через который морфонологические явления, входя в экспонентную структуру морфем, морфемных блоков и слова в целом, способны соотноситься с соответствующими типами языковых значений. И в первую очередь, морфонология как особый уровень мотивированности дериватов, участвует в реализации отношений:

1) словообразовательной производности (через морфонологические характеристики слова, прогнозирующие направление деривации);

2) симметрии / асимметрии формальных и семантических мотиваций (особенно в случае полимотивированности лексем, семиотическая многомерность которых нередко маркируется морфонологическими структурами их словообразовательных форм);

3) морфонологической категоризации (при продуктивности процессов алломорфного варьирования, сопровождающих семантические сдвиги у мотивационно связанных единиц системы).

В ходе описания данных семиотических процессов в области диалектной морфонологии их актуальность для диалектного языкового сознания определялась при проведении экспериментального исследования специфики функционирования морфонологической структуры производного слова.

Из основных результатов, полученных в серии экспериментов по восприятию и осознанию морфонологической структуры диалектной производной лексики, можно заключить, что морфонологическая форма диалектного слова соответствует в сознании индивида иконически порождаемой знаковой структуре. Это позволяет наблюдать в актах речевого мышления различные типы мотивированности, свойственные метаязыковой фантазии диалектной языковой личности. В то же время степень ментальной активности единиц словообразовательной формы прямо пропорциональна их семиотическим

функциям в общей иерархической структуре дериватов: каждый из уровней структуры производного слова прототипичен для языкового сознания, избирающего свои средства овнешнения символических репрезентаций.

Морфонологический уровень формальной структуры производного слова, наряду с фонетическим и морфодеривационным, отсылая через ассоциативные связи компонентов словообразовательно формы к концептуальным сущностям, активен при выявлении моделей порождаемого слова, которые становятся прототипичными в актах вербализации. Выбор же иконической структуры знака, в котором участвует морфонология, предсказывающая через диаграммные отношения свои направления мотивированности производного слова (словообразовательной или лексической), позволяет моделировать процессы языковой категоризации. В этом ракурсе раскрывается и потенциал деривационного функционирования морфонологии как системного явления языка – сознания, от которого зависит степень мотивированности производной лексемы в пространстве метаязыковой фантазии коммуникантов.

Ассоциативно-стратегический характер единиц морфонологии производного слова отражается через осознание диалектоносителем контактной зоны в структуре дериватов – сферы множественности формальной структуры основы производящего слова и/или словообразовательного форманта. Восприятие морфонологической структуры связано во всех случаях с закреплением релевантного содержания за тем или иным вариантом создаваемой в акте метаязыковой рефлексии мотивационной полисемии деривата. Идентификационной опорой в этом случае выступают морфонологические маркеры фузии и деривационных процессов (чередование и/или субморф), определяющие ассоциативное значение вариантов морфонологической структуры. Функционирование таких ассоциативно нагруженных морфонологических компонентов словообразовательной формы способствует системной дифференциации вариантов морфемной членности слова, связанных с категоризацией различий в сфере мотивирующей и формантной семантик производных лексем.

Думается, что, отвечая за манифестацию деривационно активных компонентов внутренней формы слова, морфонологии отсылочной и формантной частей дериватов обусловлены особенностями функциональной стратификации семантики производного слова. Морфонологическое моделирование внутренней формы слова оказывается поэтому настроенным на сохранение дифференциальных признаков репрезентации звуковой формы источника деривации и усиление мотивационных функций форманта. И если алломорфия мотивирующей основы отвечает за тождество категоризируемых мотивационно связанными лексемами признаков (функции структурной индексации, предсказывающей направление производности), то морфонологическая вариативность форманта располагает большими семантическими возможностями, конкретизируя ба-

зисную семантику производных лексем и доводя этот процесс до перекатегоризации (функции семантической индексации, поляризующей семантические сдвиги). Отсюда – значимость фузионных закономерностей в строении основ мотивирующих слов и агглютинативных – в функционировании словообразовательных формантов. Их соотношение в структуре производного слова направлено на организацию мотивационного содержания морфонологически маркированных производных знаков.

Так, алломорфное варьирование суффикса связано с усилением в структуре дериватов свойств семантической категоризации. Варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств семантической категоризации – отождествления классов референтов в границах (а) одной ономаσιологической категории (или субкатегории); ср.: *налив-ник* ‘блин или оладья, намазанные сверху сметаной’ – *налив-а́й/ник* ‘пирог из черной муки, политый сверху жидкой начинкой, – наливой’ – *налив-а́ш/ник* ‘ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой – наливой’; (б) частично противопоставленных ономаσιологических категорий; ср.: *коров-ник* ‘1) тот, кто продает коров, 2) тот, кто скупает коров, 3) белый гриб, 4) подосиновик’ – *коров-я́т/ник* ‘1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы’; *мош-ник* ‘1) тот, кто добывает и продает мох, 2) тетерев-глухарь, 3) птица из породы самых больших глухарей, 4) тетерев’ – *ми-а́р/ник* ‘1) утепленный мхом хлев, 2) болото’; (в) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий; ср.: *мош-ник* в значениях имен лиц и натурфактов – *ми-а́н/ник* ‘1) теплый хлев для скота, 2) хлев для овец, 3) кладовая для хранения овощей, зимовки пчел, 4) нежилая комната с утепленными мхом стенами, используемая как кладовая для хранения пищи’ (здесь и далее используются авторские материалы диалектологических экспедиций 1988-2007 гг. по экспериментальному изучению русских диалектов Кузбасса, составившие основу моделирования морфонологической системы кемеровского говора).

Отмеченная в экспериментах актуализация мотивационного содержания формантной части производного слова в аспекте ее морфонологического строения свидетельствует о том, что ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение. В случае морфонологической вариантности форманта детерминированность идентификации слова-стимула осознанием функциональной семантики форманта, а через нее – и мотивационного содержания мотивирующего слова, приводит к усилению ассоциативных функций его формальной структуры в направлении восприятия ее постоянных и переменных компонентов, указывающих на наследуемые и приобретаемые свойства мотивированного знака. В результате постоянная фонемная последовательность, манифе-

стирующая словообразовательный прототип форманта, его основной вариант, служит ассоциативной опорой грамматической категоризации, а переменная часть, маркер алломорфных отношений, определяет перспективы снижения категоризируемых семантических репрезентаций, приводя функционирование морфемных комплексов к вариативности внутренних форм слов-стимулов.

При анализе экспериментального материала было установлено, что восприятие / осознание компонентов суперморфемной структуры форманта отражает в снижении степени символичности производного знака (1) развитие полимотивационных отношений, (2) выражение «скрытых» компонентов ассоциативной структуры значения, (3) выявление направлений семантической категоризации.

1. Включение в ассоциативное поле осознаваемого деривата идентификаций формантной части предполагает при восприятии лексем с вариативной внутренней формой выбор из числа мотивационных решений тех, принятие которых регулируется активностью дистрибутивных морфонологических показателей мотивационной формы производных. Параллельно с выявлением мотивирующей части ассоциативные опоры на вариативный сегмент форманта позволяют сознанию предлагать версии прочтения внутренних форм дериватов, обосновывая то или иное мотивационное значение слова-стимула. Ср.: *{свинүш}_{ка}* – 1) *суп из свиныхов, маленький свинүшок*; *{свин}_{үшкa}* – 2) *жена свина, маленькая свинья*; *{свин}_{ятник}* – 1) *человек, который ведет себя, как свинья; человек, который «подложил свинью»*; *{свиня́т}_{ник}* – 2) *человек, который все время «свинячит», т. е. грязный, отталкивающий*. Поскольку субморфные морфонологические наращения аффиксов по своему мотивационному происхождению представляют собой словообразовательные аффиксы, ассоциативная значимость этих переменных компонентов структуры форманта учитывается сознанием прежде всего как генетический фактор словообразовательной формы, в соответствии с которым мотивационное содержание форманта влияет на выделение концептуальных признаков мотивирующей лексемы как суперморфемной последовательности, обобщающей манифестацию непосредственных и опосредствованных мотивирующих суждений. Ср.: *слон/я́т/ник* – *помещение для слонов, человек с большим носом; человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами*; *кон/ю́ш/н/ик* – *конюшня; помещение для конюхов; помещение для содержания коней*. О мотивационной актуальности субморфов при идентификации суперморфемной словообразовательной формы свидетельствуют и примеры мотивационного синкретизма, когда в пределах одного метатекста совмещаются непосредственные и опосредствованные мотивации. Ср.: *слон/я́т/ник* – *беззаботный человек, слоняется, как слон*; *кон/ю́ш/н/ик* – *конюшня, где конюх ухаживает за конями*. Общий фон ассоциативной семантики субморфов оказывается, следовательно, необходимым компонентом формирования значения слова-стимула, направленным в сознании моделями «поляризации» морфоно-

логических вариантов аффикса, придания им через ассоциации статуса элементов системных словообразовательных отношений. При этом источником осознаваемой словообразовательной асимметрии выступает восприятие влияющих на формируемую семантику дериватов системных значений морфонологических наращений аффикса, переосмысливаемых в актах семантизации исходя из различной степени спаянности сегментной структуры форманта. Ср.: {слон}ят/ник – ‘помещение для слонов / слонят’, ‘тот, кто ходит, как слон’; ‘тот, кто слоняется’; {слон}ов/ник – ‘помещение для слонов’; ‘слоновья болезнь’.

2. Отмечаемое расширение семантики форманта объясняется его морфонологической структурой экспликации «скрытых» смыслов. Поэтому восприятие идиоматичности словообразовательной формы, выявляя системную продуктивность направлений семантической категоризации формантных структур дериватов, порождает актуализацию деривационно значимых семантических наращений, служащих ассоциативными опорами мотивированности морфонологических вариантов форманта. В процессе идентификации концептуальной структуры производных знаков субморфы продуцируют экспликацию «скрытых» компонентов семантики дериватов, устанавливая их ономастиологический статус и внося их в экстенционал знака в качестве необходимой части концептуального содержания. Причем нередко морфонологическая выразительность формантной части дериватов коррелятивна коннотативной сфере семантики производных лексем. Ср.: свинушка – *неряха, замарашка, толстуха; свин-юш/ник – грязный подъезд; свин-ят/ник – беспорядок в квартире, бардак галактического масштаба; слон-ят/ник – дискотека, т.к. там все скачут и топаят*. Отсюда ассоциативный статус субморфных наращений форманта, развивающих семантику мотивационно связанных слов благодаря сужению концептуальных признаков отсылочной части и расширению сферы функционирования формирующей по моделям мотивационной полисемии. Ср.: свин-ят/ник – 1) *загон для свиней или место, где очень грязно; 2) растение, растущее в грязи, в неподходящих для этого условиях; 3) неряха (называют по сходству со свиньями – быть грязным, валяться в грязи)*.

3. Идентификационный статус межуровневых компонентов внутренней формы производных лексем позволяет сознанию реконструировать этапы семиозиса через толкование средств выражения словообразовательной семантики. Ср.: свинятник – *человек, который ухаживает за свиньями, наподобие «скотник»; помещение для свиней, по аналогии с «курятник»; место, где была вечеринка, т.е. то место, что напоминает это слово в первом значении (место, где содержат свиней); соотносится со словом «свинарник»*. С повышением вариативности в степени членности слова вследствие актуализации полимотивационных отношений сегментная структура деривата отличается усилением аспектов словообразовательной семантики, проходящихся на долю форманта. Его морфонологическая вариатив-

ность отличается большим мотивационным потенциалом, направленностью на идентификацию функциональных значений, осознаваемых исходя из метаязыковых возможностей поверхностного контекста членности словообразовательной формы. Мотивационные функции показателей деривационного акта характеризуются компенсацией семиотических свойств, представляя в направлениях семантической категоризации компонентов своей структуры изоморфизм уровней овнешнения ассоциативного содержания. Ср.: свинух – *гриб; самец свиньи; свинопас, пастух свиней; большой свин (о человеке); свинушка – гриб; маленькая свинка; хрюшка, грязная девушка; свинушечник – помещение для свиней; «положение дел» в комнате, которое можно увидеть, если долго не убираться; очень неаккуратный человек*. Грамматические репрезентации, направляющие осознание флексии, последовательно уточняют прототипическое значение форманта по мере приближения к ассоциациям отсылочной части, вскрывающим взаимозависимость лексических и словообразовательных репрезентаций. Ср.: свинка – *розовая, полненькая девочка; свинушка – девочка-грязнуля; свинятка – дочка свиньи*. Поэтому особенно релевантной становится позиция фонологической репрезентации «пограничных сигналов» в структуре словообразовательной формы – фонологического оформления суперморфемной зоны сегментации формантной части. Ср.: свин-ят/ник, слон-ят/ник – *‘тот, кто свинячит / слоняется, как свинья / слон’*. Именно в соответствии с морфонологической членностью данных полиморфемных конструкций сознанием определяется мотивационное содержание производных лексем.

Функционирование морфонологической структуры отражает в этом случае саморазвитие системы, ведь именно благодаря мотивационной функции алломорфии в границах словообразовательных типов определяются сферы номинации, имеющие свои морфонологические модели.

Как индексальное средство выражения мотивационного содержания, морфонологическая маркированность дериватов свидетельствует о развитии сигнификативных функций звуковой формы в морфодеривационной структуре производного слова. В результате экспонентная структура мотивированного знака располагает дополнительными для отождествления внутренней формы компонентами мотивационного содержания. Морфонологические единицы сужают мотивационно-ассоциативное пространство лексем, уточняя эталонный и операциональный для языкового сознания статус единиц формальной структуры производного слова. Их распределение в поверхностных слоях речевых производений свидетельствует о коммуникативных функциях формальной структуры производного слова в целом, что может быть соотнесено с решением задач типологического описания этого феномена языковой иконичности в коммуникативно-семиотическом аспекте.

Литература

1. Антипов, А. Г. Русская диалектная морфонология: проблемы описания / А. Г. Антипов. – Кемерово, 1997.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Опыт теории фонетических альтеранаций / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1.
3. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский. – М., 1998.
4. Кубрякова, Е. С. Морфонология в описании языков / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. – М., 1983.
5. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М., 1999.
6. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск, 2000.
7. Laskowski, R. Semiotyczne funkcje alternacji morfologicznych / R. Laskowski. – Polonica, 1980. – V.
Рецензент – Н. Б. Лебедева, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».